

жаты, Екатерина на полях делает пометку: «Все его примечания умны» (82). Аналогичным образом предлагаемые Баскаковым в самом конце отзыва стилистические поправки сопровождаются на полях короткой фразой: «Все сие бесспорно принимать» (Там же).

И тем не менее даже Баскаков позволяет себе завуалированно напомнить императрице, что ее безграничное увлечение гуманизмом не всегда может служить на пользу истинному правосудию. Говоря о некоторых положениях «Наказа», содержащихся в главе VIII «О наказаниях», где шла речь об ограничении практики пыток, Баскаков осторожно замечает: «...не благоволено ли будет прибавить, кроме необходимых случаев, которые надобно означить...» (79). И далее Баскаков приводит конкретный случай из судебной практики, когда насилие над преступником-убийцей остается последним средством установления истины: «...такого, кажется, пытать неотменно должно для того, чтоб правительство избавить от нареkania, когда соучастники злодейства избегнуть чрез то могут достойного по закону наказания...» (Там же). Данное место отзыва Екатерина II сопроводила репликой на полях: «О сем слышать не можно, и казус не казус, где человечество страждет» (Там же). Эти постоянные претензии Екатерины II выступать апостолом гуманизма в угоду абстрактным установкам о человеколюбии и терпимости, проповедовавшимся в «Наказе», мгновенно предавались забвению непосредственно в политической практике императрицы, как только она сталкивалась с реальным противодействием ее политике или с угрозами утраты своей власти. Судьба ростовского митрополита Арсения Мациевича, как и судьба поручика Мировича, не говоря уже о женщине, вошедшей в историю под именем княжны Таракановой, подтверждают это.

Наибольший интерес из всех сохранившихся первоначальных откликов на «Наказ» представляет несомненно отзыв А. П. Сумарокова. Отношение со стороны Екатерины II к этому известнейшему драматургу и писателю было далеко не однозначным. Она признавала его талант, но тяготилась постоянно возникавшими конфликтами вспыльчивого поэта с окружающими, в улаживании которых ей порой приходилось принимать личное участие.

Сумароков был, пожалуй, единственным из читателей «Наказа» до его публикации, кто позволил себе открыто не соглашаться с некоторыми положениями документа и противопоставить мнениям императрицы собственную точку зрения. Пометы Екатерины II на страницах его отзыва представляют собой любопытный образец идеологической полемики. В отличие от покровительственного тона реплик на примечания В. Баскакова здесь мы зачастую видим едва скрываемое раздражение.

Отзыв Сумарокова из всех остальных наиболее развернутый. Он высказывает свое мнение по трем аспектам предпринятой Екатериной II инициативы: